

Виктор Кротов

Собрание несочинений

Виктор Кротов

Собрание несочинений

«Издательские решения»

Кротов В.

Собрание несочинений / В. Кротов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-833772-7

Книга о творческих замыслах, которым не суждено было стать самостоятельными произведениями, и о тех, что превратились в нечто другое. Отчасти это писательские мемуары, сосредоточенные не на жизни автора, а на жизни его книг. Отчасти — конспекты неосуществлённого, которому не хотелось дать исчезнуть бесследно. И попытки осмыслить связь замысла с возможностями и невозможностями его осуществления.

ISBN 978-5-44-833772-7

© Кротов В.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Раздел 1. Главные книги	8
«Философия ориентирования»	9
«Волшебный Возок», редакция третья и четвёртая	10
«Собрание трёхстиший»	13
Раздел 2. Практическая философия	17
«Книга без титула», редакция вторая	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Собрание несочинений Виктор Кротов

© Виктор Кротов, 2016

ISBN 978-5-4483-3772-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

На обложке картина Валерия Каптерева «В мастерской».

Предисловие

Каждый кто владеет грамотой, пишет своё собрание сочинений. У одного оно состоит из школьных тетрадей, служебных записок и десятка писем, посланных жене из санатория. У другого – ещё и стопка научных статей или даже монографий. У третьего... Впрочем, пусть читающий эти строки отвлечётся и сам прикинет состав *своего* полного собрания сочинений. «Рукописи не горят» – и сочинениям нашим часто суждено путешествовать по времени с нами и после нас.

Увы, нам с легкостью удастся замусорить своё собрание сочинений, зато написать главное получается не всегда. Всё незавершённое, оборванное или не перешагнувшее границ замысла составляет вторую часть нашего наследия: собрание несочинений.

Грань между сочинением и несочинением не всегда очевидна. Семя, росток, побег... Замысел, набросок, черновик... Да и сам человек, сочиняющий или не сочиняющий, каждая человеческая индивидуальность несёт в себе такую же неочевидность. В каждом из нас заключён некий замысел личности – наверное, глубокий и полноценный, но нуждающийся в том, чтобы мы наполнили его своей жизнью. Достаточно ли мы преуспеваем в этом, успеваем ли дописать эту доверенную нам рукопись или нет, но замысел существует и жаждет раскрытия.

Где-то я читал про писателя, уставившего целую полку роскошно переплетёнными книгами собственного несочинения. Не сочинения, но замысла и воображения. Названия этих книг были для него реальностью, и чистые листы под переплетом как бы несли невидимый постороннему текст. (Текст этот обладал, надо думать, немалыми достоинствами в силу своего чисто идеального существования.)

Можно увидеть здесь не просто анекдот, но притчу – символ уважения к замыслу, признание ценности зерна, в котором потенциально заключено растение.

В этом ключе мне и хотелось составить своё собрание несочинений: дать небольшую, но реальную жизнь внутренним замыслам, которые мне самому порою представляются чем-то уже существующим – книгами на полке...

С такими намерениями приступал я к первой редакции «Собрания несочинений». Было это в 1981 году, и на моей воображаемой полке стояло намного больше несочинений, чем сочинений (а о напечатанных книгах не приходилось и мечтать).

Но у этой книги оказался свой характер.

В двери «Собрания несочинений» забарабанили кулаками и те книги, которые уже были написаны. Вы уже существуете, что вам ещё надо? – сопротивлялся я. Но мы неопубликованы, мы ещё рукописи, ты будешь нас переделывать, значит мы недосочинения, пиши о нас тоже! – убеждали они меня. Мелкие разрозненные сочинения вроде стихов или афоризмов собирались компаниями и заявляли: мы вместе можем стать книгой, о ней здесь тоже должно быть написано. Даже две-три опубликованные книги, стремились совершенствоваться дальше и отрицали свою окончательную сочинённость.

В конце концов я и сам перестал понимать, каким образом можно отделить сочинения от несочинений. Что говорить – над каждой написанной книгой хочется ещё поработать, тем более когда никто не вырывает её из рук для немедленной публикации. И как для любящих родителей выросшие дети всё-таки остаются детьми, так и для меня даже самые доработанные мои сочинения в чём-то остаются несочинениями. Каждое из них я с удовольствием бы довёл до новой редакции. Слишком остро порою ощутимо отличие реализации замысла от его внутренних возможностей.

И если говорить о замысле личности, то, может быть, его в большей степени раскрывают именно *замыслы* творчества, а не результаты. Ведь каждому из нас приходится иметь

дело с собственной недосочинённостью, и не всегда мы её преодолеваем достаточно удачно. А замысел – это Замысел.

Своего рода несочинением осталось и само «Собрание несочинений».

Может быть, мне и не хватило бы энтузиазма взяться за него снова, если бы не переход на компьютер (здесь я не могу удержаться от похвалы прогрессу, который дал пишущему человеку больше творческой свободы в обращении с текстом!). Пока «Собрание несочинений» оставалось машинописью, трудно было представить, что я буду ещё с ней работать. Но когда она оказалась введённой в компьютер...

Стоило заглянуть в файлы – и удержаться уже было невозможно. Магическое электронное обминание текста, когда не нужно думать о ножницах, клее, корректуре и перепечатке, началось как бы само по себе... Впрочем, на совершенно новый вариант книги решимости не хватило. Чем дальше шло время, тем существенней менялись несочинения, некоторые из них становились сочинениями, зато всё больше появлялось новых замыслов. Так что я могу лишь привести в порядок написанное и вкратце дополнить его описанием тех метаморфоз, которые произошли с замыслами и текстами.

Раздел 1. Главные книги

Почему мне это важно – выделить главные для себя книги? Не потому что меньше дорожишь остальными. Это как камертон: вот мои основные задачи, моя основная работа.

Лет в шестнадцать-семнадцать я очень переживал – что ждёт меня в будущем? Ну, семья. Ну, работа. Ну, путешествия по новым местам во время отпуска... *А что же ещё?..* И не мог я ответить на этот смутно беспокоящий вопрос.

Тогда я почти ничего не знал о главном. О том, как жизнь может быть освещена любовью. О том, что творчество наполняет каждый день увлекательными приключениями. Что работа, которой зарабатываешь на жизнь, может оказаться по сути всего лишь игрой и развлечением, а в главной работе, никому не заметной, нет ни отпуска, ни выходных. Что есть и ещё более главная работа, о которой даже сказать ничего толком невозможно, только стараться, чтобы она совершалась. И что даже главная работа становится рабочим материалом для этой ещё более главной работы...

Теперь знаю. И поэтому так хочется прежде всего видеть главное. А в главном – ещё более главное. И время от времени приходится делать это заново. Раз и навсегда не получится.

* * *

Долгое время самой важной из написанных и ненаписанных книг для меня была КБТ, «Книга без титула». Она и была рассчитана на то, чтобы вкладывать в неё все те философские идеи, которые возникнут у меня после завершения первой редакции. К ней тесно примыкали замыслы книг «Внутреннее ориентирование» и «Волшебный возок».

Эти книги представлялись мне своего рода философским триптихом, в котором «Книга без титула» сосредоточена на проблемах выработки общего мировоззрения, «Внутреннее ориентирование» – на проблемах становления души и личности, а «Волшебный возок» – на проблемах начального периода жизни.

Но постепенно всё стало видеться иначе.

На первый план вышла «Философия ориентирования», которая должна была содержать самые важные из найденных мною мировоззренческих представлений.

Завершив черновую работу над «Собранием трёхстиший», я стал считать эту книгу важнейшей для себя по отражению личности в слове.

А «Волшебный Возок» будет, надеюсь, самой читаемой из моих книг (хотя бы по малой читаемости прочих). Это тоже означает большую ответственность.

«Философия ориентирования»

Ориентирование – это понимание своего места среди своих ценностей.

Книга эта должна была состоять из трёх частей (может быть, даже трёх самостоятельных книг): «Общая философия ориентирования», «Философия внутреннего ориентирования», «Философия религиозного ориентирования».

Первая часть посвящена двум изначальным проблемам: зачем человеку философия и могут ли различные философские учения выработать общий язык.

Исходя из того, что философия нужна человеку, чтобы помогать ему ориентироваться в жизни, можно выделить некоторые связанные с ориентированием понятия в качестве общего языка философии. Такой язык позволит человеку сопоставлять учения друг с другом и выбирать для себя наиболее подходящие направления для развития своего мировоззрения.

В этой части намечается подход к своего рода «философии философий», которая и может стать общей философией ориентирования.

Вторая часть охватывает те основные философские представления, которые представляются мне наиболее достоверными ориентирами в странствиях по внутреннему миру.

Первым подходом к описанию этих ориентиров была для меня когда-то КБТ. Потом было ещё несколько попыток разного рода: «Мысли о психософии», «Внутреннее ориентирование», «Чувство любви» и замыслы других книг о чувствах, не говоря о многочисленных эссе и фрагментах.

* * *

Первую часть я написал весной 1993 года в самом кратком изложении. И вдруг мне пришло в голову отнести её в журнал «Вопросы философии». Поначалу я рассчитывал лишь на какую-нибудь смешную рецензию. Но в то же время – сменилась эпоха. Может быть, на философском безрыбье понадобится и моё выступление?..

Работа моя попала Николаю Шульгину. Я вызвонил его и услышал, что работа интересная, вот только объёмом лучше была бы побольше, да нет ссылки на Гальперина, который пользуется понятием ориентирования в психологии.

Тогда я добавил к изложению первой части краткое изложение второй – и отвёз Шульгину, тут с ним и познакомился. Он оказался на удивление молодым для такого журнала, владимирсословьевского вида (грива волос, борода, горящие глаза) и обещал за мой материал бороться, не гарантируя успех. Но не это было самое удивительное.

Самое удивительное я обнаружил дома. В этот же день, по совпадению, я рылся в старых материалах (файлах) с нашими издательскими планами. И в задуманной когда-то серии «Имена на завтра», где всего-то было два-три имени, увидел: «Николай Шульгин»!

Откуда?..

Постепенно я восстановил в памяти, как когда-то прочёл в МК (тогда ещё не столь скабрезном) очерк о молодом самобытном философе. Идеи его, пусть и в очерковом изложении, внушали мне полную симпатию. Как раз тогда мы с женой и вынашивали мысль о собственном издательском предприятии. Вот Шульгин и попал в предполагаемую серию, хотя дело до неё и не дошло.

На доброжелательном знакомстве, правда, всё и забуксовало. Долго мой материал блуждал среди вопросов философии, и затерялся в них.

«Волшебный Возок», редакция третья и четвёртая

Среди прекрасных и трудных тонкостей жизни есть и такая: надо очень серьёзно относиться к некоторым вещам и принимать их легко, как игру.

К.С.Льюис

Это философская сказочная повесть для родителей с детьми. Слово «философская» относится здесь к цели, а «сказка» – к средству достижения.

* * *

Мальчик, живущий с родителями («папа с бабушкой, а может мама с дедушкой...») в деревне или на даче, очень озабочен бесконечными конфликтными ситуациями. То он хочет сделать как лучше, а выходит как хуже, то пытается и не умеет чего-то добиться, то родители не понимают его, то он родителей... «Хоть бы какой-нибудь волшебник появился и помог мне», – думает мальчик. И волшебник, конечно же, появляется. Он отправляет мальчика в странное путешествие, которое начинается за незамеченной прежде калиткой в заброшенном углу сада. За этой калиткой – другая погода, широкий простор (вместо разгороженных соседних участков) и необычная узкая дорожка, на которой стоит в ожидании крытый возок, запряжённый серым осликом. Уверившись, что родители ни о чём не узнают и беспокоиться не будут, мальчик уходит за возком в волшебную страну.

Вскоре из возка выплывает причудливое светящееся облачко. У него нет глаз, но есть взгляд, нет рта, но есть улыбка и голос. Оно называет себя Сознателем. Потом, после своего возвращения, мальчик часто будет узнавать его интонации в своих мыслях и отблески его света в чужом взгляде. Сознатель становится главным спутником мальчика, идущего вслед за волшебным возком.

Сознатель зовёт мальчика в возок, который оказывается внутри таким обширным, что по нему самому можно путешествовать. Это целый мир, полный странных существ. Тут и обидчивый упрямый Злёнок с крепким лбом и довольно острыми рожками, и занудные настойчивые Долженцы, и своенравные Хочунчики, и разноликие Могунчики, каждый из которых бодр и деятелен, когда с ним дружит *его* Хочунчик, а в одиночестве ленив и вял... Мальчик, себе на удивление, узнаёт их не только по словам Сознателя: словно кто-то откликается изнутри каждому из этих персонажей. У них сложные отношения друг с другом и с Сознателем. Мальчик оказывается вовлечённым в их конфликты, помогает распутывать сложности, помогает рассудить взаимные претензии – и чувствует, что найденные решения важны для него самого. Он узнаёт ситуации, как узнавал тех, кто в этих ситуациях участвует.

Мальчик забирается в возок снова и снова, постепенно привыкая к его странному и такому знакомому народцу. Он начинает разбираться в повадках волшебных существ, присматривается к их пёстрой жизни. Он видит, как они бегают куда-то кормиться, а когда он приходит к ним переполненный дорожными впечатлениями или собственными мыслями, они бросаются к нему и жадно ждут, пока он поделится с ними этой вкуснятиной. Порою же кто-нибудь из обитателей возка выбирается с мальчиком наружу и принимает участие в егоключениях...

Внутри возка множество загадочных закоулков и лесенок, ведущих куда-то вверх и вниз. И вот однажды мальчик поднимается с Сознателем наверх. Они оказываются вовсе не на крыше возка и не на верхнем его этаже, а на палубе корабля, плывущего по бескрайним просторам. На корабле свои обитатели. Некоторые из них похожи на близких мальчику людей. Другие ни на кого не похожи, Но кто-то изнутри отзывается и им. Сознатель знакомит его

с Дружилой, с Кембыстатем, с Совестуньей, Как-Красивом и с другими... Некоторые из них (вроде заносчивого Яя) не всегда приятны, но с каждым интересно. Каждый рассказывает о своих вкусах, о своих любимых нижних зверушках, которых они подкармливают, добывая себе и им пищу из океана. Потом Сознатель дополняет их рассказы: оказывается, чувства способны не только на хорошее, а некоторые изрядно мешают общей жизни.

Во многом мальчик может убедиться сам, участвуя в их взаимоотношениях – более тонких, чем у нижних зверушек. Он наблюдает, как чувства образуют союзы друг с другом, как они выбирают курс корабля, то и дело призывая на помощь Сознателя, как меняют друг друга у штурвала... Он узнаёт, что такое эпидемия настроения, которым одно чувство может заразить остальных... Иной раз на его глазах в соперничество между чувствами вовлекается и нижний народец... В общем, событий на палубе происходит достаточно.

А над кораблём – небо, и некоторые из чувств умеют или учатся летать (те из них, что посветлее). И однажды одно из самых светлых зовёт мальчика залезть на мачту, добравшись до вершины которой он чудом оказывается в гондоле воздушного шара, где нет ни тряски, ни тесноты, ни жары, ни холода – только радостный опьяняющий ветер. Сам шар почти прозрачен: он не скрывает солнце, а лишь пригашает его, щадя взгляд. Здесь нет новых существ, нет вообще ничего нового или привычного, ощущается лишь одно единственное, единое по имени Всё. Всё слито вместе волшебным воздухом – и Сознатель, и Солнце, и сам мальчик, и летящие в небе волшебные птицы...

Доводится мальчику и спуститься вниз, в глубину возка, в полутёмные лабиринты, напоминающие павильон-аквариум в зоопарке. Там много таинственного, милого или страшного, много шевелящегося, замершего или ползущего, много молчащего или поющего, шепчущего или шипящего... Там над клетками, аквариумами и загонами висят старинного вида медные таблички с загадочными надписями по латыни... А когда мальчик, выбираясь обратно, бросает над подземельем последний взгляд, ему вдруг кажется, что все решётки, перегородки и стеклянные стенки исчезли, растворились, и всё, что он недавно разглядывал по отдельности, сплелось в общей кутерьме и неразберихе...

Все эти посещения возка перемежаются с дорожными приключениями. Иногда мальчику попадается встречный – со своим волшебным возком и со своими сказочно обострёнными проблемами. Иногда мальчик проходит через тридевять царств и тридцать государств: Библиотечное княжество, Телевизионное королевство, Газетная республика, Дворовое пристанище... Иногда он оказывается вовлечённым в ту или иную парадоксальную ситуацию, в фантастическом виде преломляющую ситуацию житейскую. В этих историях то и дело участвует кто-нибудь из обитателей возка, составлявший мальчику компанию в его неутомимом движении по волшебной дороге.

Но вот путешествие подходит к концу. Оно оказалось не иначе как кругосветным – ведь калитка сада показалась *впереди*. Завидев её, мальчик упрямившись Сознателя в последний раз посетить возок, подняться наверх, на палубу, а потом и ещё выше, где так радостно, где всё сливается воедино... – и вдруг он оказывается в своём саду. А возок, Сознатель, волшебная страна?... Всё исчезло, но не как Золушкина карета, нет. Мальчик чувствует, что всё это осталось с ним, слито с ним воедино – как в гондоле волшебного воздушного шара – и что его путешествие будет продолжаться ещё долго...

Он снова дома, и его приятель-сосед, вундеркинд в больших очках, выслушав историю, проявляет здоровый скепсис. Неизвестная калитка, впрочем, обнаружилась. Как говорит дедушка, ею пользовались давным-давно, когда из неё можно было выйти к лесу. Потом, когда вплотную подступили соседние дома, её навсегда заколотили. Но калитка эта так и была заколоченной, за ней не было никакой дороги, если не считать тоненькой муравьиной тропки. Отсутствия мальчика никто не заметил, да и времени прошло совсем мало – час или полтора.

Правда, тот же приятель не мог дозваться его через ограду сада, но это ничего не доказывает: разве нельзя зачитаться или задуматься?..

А мальчик ничего и не доказывает – ни себе, ни приятелю. Зачем? Он ведь *знает*: это не сон и не выдумка. Он чувствует внутри присутствие Сознателя, который стал совсем невидимым, но ведь и с самого начала он был довольно прозрачен. Гораздо лучше, чем раньше, мальчик умеет теперь управляться со своими Хочунчиками, подыскивая им друзей-Могунчиков. Он научился укрощать бодливого Злётка, и если это не всегда получается, то он хотя бы знает, что можно научиться ещё лучше. Он радуется своим Чувствам-посветлее, старается сдерживать Чувства-потемнее и настырного Яяя. Он понял вкус путешествия и чувствует, что идёт по своей волшебной дорожке всё время – даже когда играет, читает, разговаривает, даже когда спит: ведь это всё те же дорожные приключения...

* * *

Начал сочинять эту сказку я в январе 1975 года, рассказывая её своим детям. Сочинял не столько для них, сколько вместе с ними, подзадоривая их на поправки и ставя их на место героя в той или иной ситуации. К стыду своему должен признаться, что я первый стал притормаживать эту чудесную игру-сочинительство, решив, что основной набросок сделан, и всё реже соглашаясь «рассказать про возок» просто так, для развлечения. Потом дети подросли, и сказка была окончательно оттеснена работой над другими, взрослыми книгами. Но что-то у ребят сохранилось даже от этих случайных эпизодов. Порою образы этой сказки помогали нам с ними осмыслить реальную ситуацию, но главное в том, что весь этот карнавал напоминал о возможностях внутреннего самоуправления...

Недавно я получил от ребят именной сюрприз – с любовью сделанный «Возок», имеющий действительно сказочный облик и населённый своими сказочными обитателями, которые выглядят настолько выразительно, что хоть пиши с них как с натуры. Я был счастлив, хотя слегка покалывала и грусть: герои вот они, а сказки ещё нет...

Чтобы написать «Волшебный возок», мне не хватает возраста, дедовской приближённости к детству. Но возраст придёт. Хватит ли прочих внутренних ресурсов? Если и хватит, то на пределе. Мне хочется довести эту книжку до конца вовсе не из самоуверенности (мол, могу и сказки сочинять). Хочется научиться говорить с детьми о главном в нашей жизни. Это нужно и им, и нам, взрослым.

«Собрание трёхстиший»

*Собираю трёхстишия
горстку зёрен
непроросших поэм*

Хокку и танка... Наверное, так будут путешествовать к звёздам. Привычная суетливая жизнь сворачивается в тугой планетный клубок, уменьшаясь в размерах, а то, что поначалу казалось лишь точкой света, растёт, расширяется и становится иной вселенной, поглощающей тебя, затягивающей в своё поле...

* * *

Хокку читаю ночью.
Звёзды видны в окно.
Искры или миры?..

Басё и Такубоку стали для меня открытием, после которого оставалось только засесть за японский язык – или испытать себя и свой язык, русский. Меня потянуло по второму пути.

Сейчас, оглядываясь назад, я усмехаюсь тому рвению, с каким пустился тогда испытывать возможности малых форм вообще. Это были и одностишия, и двустишия... до семистиший и далее, где уже явно начинались «большие» стихотворения. Потом границы сузились, отошли в особую сторону двустишия и четверостишия. Дольше всего пытались конкурировать с трёхстишиями пятистишия, но и они постепенно стихли. А трёхстишия остались очень надолго.

Русское трёхстишие оказалось способным и к задумчивой описательности, свойственной танка, и к прозрачным мазкам недоговорённостей, отличающим хокку.

Не хочу пускаться в литературоведческие рассуждения, боюсь наговорить чепухи. Суть не в теоретических обоснованиях – тем более, что японские традиции имеют большую историю, а русская поэзия ещё и верлибр как следует не распробовала. Дело в том, что и как пишется.

* * *

Шапито прикрыл нас брезентовой ладошкой
и радостно смеётся
как беззаботный ребёнок

* * *

Домовит и доволен
варю крахмал
обклеить стены мечтами

* * *

Сентябрьский тополь
приподнявшееся к небу жёлтое озеро
плоскими каплями стекает на землю

Хокку
Снежные хлопья...
Я думал моя печаль

невдомёк небу

* * *

С наших чаш улетели драконы
вино потеряло аромат
и не нам восхищаться опавшими лепестками

Странный жанр. Я всегда был пристрастен к канонам, а здесь единственный заметный канон – само наличие трёх строк. Восточные каноны остались на Востоке, а новые – дело долгого времени. Пока же эта форма выглядит достаточно произвольной.

Трудно даже объяснить, почему это нужно считать стихами. Легче всего сослаться на японцев, но лишь самую малость трёхстиший можно уподобить хокку, да и то весьма условно. И всё-таки это тоже стихи, со своей особой внутренней органикой. Сужу отчасти и по тому, как долго не удаётся иногда довести трёхстишие до окончательного вида. Наиболее удачные из них – просто наиболее точные.

Этот жанр способен на многое. Способен тонко уловить настроение, кристаллизировать мысль, вылепить фантастический образ. Способен раскрыть привычное слово до непривычной глубины, наделить жизнью воспоминание, отозваться на поразившую строку и сохранить её в ином обличье. Всё это происходит на столь малом информационном пространстве, что точность и ёмкость звучания становятся просто необходимы.

* * *

Какое прекрасное утро – сказал сосед
только жаль что хрустит снег
не подойдёшь к зайцу на верный выстрел

* * *

Пытаясь понять прошлое
со слезами ломаю голову
над задачиком по истории

* * *

Возраст подленько подменяет
горячее тёплым, холодное прохладным
радость удовольствием, горе печалью

* * *

Это стенд для испытания философией
объяснял сотрудник патентного бюро:
любовь, зубная боль, коммунальная квартира

Трамвай

Пресловутым сельдям
лучше в их бочке
ни локтей ни портфелей

Активное «трёхстихотворчество» началось у меня в 1972 году. В том памятном, «осевом» году моей жизни, когда мы встретились и с моей Машенькой, и с Каптеревыми, когда появился на свет Саша...

На следующий год я сделал первый чистовой сборник «Трёхпалые уродцы» – в виде целого трёхтомничка, имеющего совсем маленький формат, но зато с расположением по трёхстишию на странице (лучше для восприятия). Ещё через год появился такой же (только уже однотомный) сборничек «И тогда». С тех пор трёхстишия копились грудой: привести их в порядок мешала работа над другими книгами.

Но настало время и для этого дела. Правда, так до сих пор и не завершённого. Настало это время после рождения Ксюши, в 1990 году. Времени почти не было, ни на какую новую большую книгу я решиться поэтому не мог, а потихоньку вводить в компьютер, подшлифовать и компоновать крошки-трёхстишия мне показалось вполне реальным.

Но всё это оказалось куда труднее, чем казалось поначалу. Собственно, так у меня бывало с каждой книгой, которую я начинал *писать*. Но тут-то речь шла, казалось бы, просто о компоновке написанного.

Куда там!

Я словно пустился в немыслимое путешествие на машине времени – начав его с того самого 1972 года.

Трёхстишия затягивали меня в пласты пережитого. Это было не просто погружение и не просто литературная работа над неудачным словом. Ведь в этих пластах было перемешано истинное с ложным – и мне то и дело приходилось очень пристально всматриваться в прошлую свою жизнь, чтобы отделить шелуху тогдашних самообманов от мгновений подлинной жизни.

Пришлось заново пережить каждое из трёхстиший. И многие пережить обновлённым, очищенным переживанием.

Этот был больше внутренний труд, чем литературная работа. Занял он около трёх лет. А вот литературная работа осталась пока незавершённой. Книга собрана, для меня она существует, но есть множество мест в ней, которые мне по силам улучшить. Насколько это удастся, сказать пока трудно. Но всё-таки книга существует.

* * *

Господи, утро, утро
новый свет в окошко и в сердце
в сердце

* * *

И сам для себя я всего лишь
облезлая надоевшая игрушка
но что делать если единственная

* * *

Снег пахнет
тоньше чем белая роза
и лепестки у него нежнее

Сюда можно отнести и ещё одно несочинение, к которому больше подходит этот термин, чем к сборнику написанных всё-таки стихов. Это переложение «Атмабодхи» Шанкары – индуистской поэмы о высшем познании, – начатое ещё в 1975 году. Именно переложение, как в жанровом отношении, так и в содержательном: Шанкара и не думал писать трёхстишиями, а я не собираюсь проповедовать индуизм. Мне хотелось лишь с помощью этой гибкой формы попытаться уловить общие мелодии в восточной и западной тональностях духовной жизни.

Трёхстиший-реминисценций вообще оказалось много: от прямого освоения чужих образов до лёгкого прикосновения к ним. Иногда это выглядит просто чудовищно: ну, можно ли

загонять в трёхстишие рубаи Омара Хайяма? Но вот попался изумительный подстрочник, вот пересказанная прозой в одной из суфийских книг образная мысль... Хотелось принять полученное, придать ему законченный вид, *свой* вид... Много странного с этими трёхстишиями.

Из тангутских изречений

Не забудь сказать другу доброе слово
а если не скажешь злого врагу
небо не упадёт на землю

* * *

Наше дело – пытаться.
Удачи —
это Божье благословение стараний

* * *

Написал стихотворение
и остался как нищий
у ограды слов

Раздел 2. Практическая философия

«Книга без титула», редакция вторая

*И хорошо, и долго говорил,
Но всё-таки вопроса не решил.
из Вольтера*

Много лет после того, как КБТ была закончена, я продолжал с ней понемногу возиться. Это был как бы *начальный итог*, а хотелось, чтобы со временем КБТ могла стать и *конечным итогом* той работы по развитию и описанию мирозерцания, которая ею начата.

Первая редакция книги избавляет, казалось бы, от необходимости излагать здесь её содержание: достаточно описать предполагаемые изменения, а за подробностями отослать к ней самой. Но мне естественнее говорить о сегодняшнем состоянии КБТ, то есть о КБТ как о несочинении, как о чём-то новом и самостоятельном. Кроме того, хочется немного утешить одного из своих знакомых, который взялся было читать КБТ, но, придя в ужас от её объёма и фрагментарности, с тоскою спросил: «А конспекта у тебя нет?..» Хотя законспектировать эту книгу я бы не взялся, можно сказать несколько слов об основных её образах, вокруг которых закручено всё остальное.

* * *

Возможности человека по осмыслению своей и окружающей жизни имеют определённые границы. Через эти границы невозможно перешагнуть, следуя чисто логическими путями. Признание того, что эти границы существуют, можно назвать логическим агностицизмом (да простится мне этот страшноватый термин). Всё, что для человека имеет существенное рациональное значение, находится внутри этих границ, а к тому, что лежит вне их, ведут иные, внелогические пути.

Выражение «логический агностицизм» обладает двумя оттенками. Говоря о том, что логическое, рациональное познание имеет свои пределы, это понятие в то же время свидетельствует о возможности именно логическим образом выявить эти пределы и приблизиться к ним. Это означает определённую оправданность логической рефлексии: человеческое мышление способно к глубокому (хотя и не исчерпывающему) рациональному самовосприятию. Поэтому философское мышление может и должно строить фундамент для философии в широком смысле слова, выявляя свои основные аксиомы, но преодолевая при этом соблазн соорудить всеобъемлющую рассудочную систему мировоззрения. В КБТ дан лишь условный эскиз такого фундамента, обрисованы главные опоры, на которые приходится в дальнейшем основная рациональная нагрузка.

Сознание человека имеет дело с различными ощущениями, внешними и внутренними. Восприятие ощущений происходит как бы на трёх уровнях. Низший уровень – это психическая механика, подспудная жизнь сознания. Высший уровень – это духовная жизнь, уходящая в запредельные области, но вместе с тем несущая сознанию внутренний свет. Между ними находится область душевной жизни, на которой главным образом и сосредоточена КБТ.

Если противопоставить душевную жизнь психическому уровню существования, то обнаруживается, что она ускользает из-под эгиды *психологии*, науки, направленной преимущественно на изучение именно низшего из трёх выделенных уровней. Для понимания среднего, душевного уровня необходима не столько психология, сколько *психософия*, пользующаяся не только логическими способами постижения. Дело, конечно, не в термине: философия испо-

кон веков была внимательна к той внутренней жизни человека, которая протекает между подсознанием и надсознанием. Важно, чтобы психология не пыталась подменить философское осмысление своими моделями и рецептами. Научно-медицинский аппарат лучше разбирается в психической механике, чем в душевной органике.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.